

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ИСХОДЫ

О.А. Блинова^{1а}, Ю.А. Горбунова^{2б}

^аУральский государственный педагогический университет

^бМосковский университет им. С. Ю. Витте

АННОТАЦИЯ:

В статье определяются основные стратегии политической коммуникации российской молодежи и их возможные исходы в контексте цифровизации политики.

Цифровое пространство рассматривается авторами как пространство реализации молодежью маргинальных («гибридных», вирулентных, нелинейных) политических практик типа «черный лебедь» (Н. Талеб). Маргинальные политические практики молодежи исследуются с позиции антиредукционизма и антибинаризма, что позволяет преодолеть сведение маргинального к ненормальному, дисфункциональному и периферийному. Обосновывается представление о маргинальных политических практиках как норме, константе и тренде молодежной среды. Исследование носит мультиметодный характер, основными методами выступили: контент-анализ аккаунтов в социальных сетях, анкетный опрос молодежи (18–30 лет, $N = 420$) в различных субъектах Российской Федерации, таких как Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Челябинская область, Севастополь и Республика Крым, Пермский Край, Красноярский Край, Иркутская область, Омская область и др., а также методы теории игр.

Обнаруженная эмпирическим путем вариативность согласования оценки маргинальных политических практик (одобрение – порицание) и самого практикования (использование – отказ от использования) выступает основой авторской классификации стратегий политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве. Реализация данных стратегий может санкционироваться или не санкционироваться государством, в силу чего возможным исходом может стать политический конфликт.

Для определения равновесного исхода политической коммуникации государства и молодежи применялись методы теории игр, а именно поиск равновесия в матричных бескоалиционных играх. Авторы исходили из того, что коммуниканты не являются антагонистами, т. е. не стремятся к «уничтожению» друг друга, а, напротив, нацелены на получение исхода «выиграл-выиграл», что и обусловило выбор расчета на основе теории матричной бескоалиционной игры.

Полученные результаты восполняют дефицит научного знания о маргинальных политических практиках молодежи как *Digital Natives*, и способствуют постепенному сдвигу от каталогизации практик к трендотчингу и форсайту как основы управления политическими конфликтами – минимизации их деструктивных эффектов и максимизации конструктивного потенциала.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 20-011-31736.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, маргинальные политические практики, цифровое пространство, стратегии политической коммуникации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Блинова О.А., Горбунова Ю.А. (2021). Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. № 3. С. 20–34.

¹ORCID: 0000-0002-3051-4251

²ORCID: 0000-0003-4333-1945

Цифровизация сферы политического делает ее доступной для вхождения различных социально-демографических групп. Молодежь как *Digital Natives* проявляет особый интерес к политической коммуникации в цифровом пространстве.

Современная молодежь обладает высоким потенциалом политической активности, характеристики которой, однако, имеют существенные отличия от привычных, устоявшихся политических практик старших поколений. Наличие существенного межпоколенческого разрыва между *Digital Natives* и *Digital Immigrants* приводит к тому, что молодые люди, переосмысливая свою вовлеченность в политическую жизнь страны, отвергают традиционные политические институты и инструменты, вырабатывая, пробуя, экспериментируя с неформальными формами политического участия, постепенно перестраивая демократические процессы в соответствии со своим видением и в согласии со своими интересами и потребностями. Настроения молодежи, политическая позиция, стратегии и тактики выражения своего мнения в цифровом пространстве вызывают высокий интерес среди научного сообщества, что связано с пониманием значимости данной социально-демографической группы для политической трансгрессии и вероятных трансформаций общественной жизни.

Для молодежи как политического субъекта характерны: децентрализованная самоорганизация, нетворкинг и краудсорсинг, «электронное роение» и «умные толпы» как новые формы консолидации и солидаризации [Mitchell 1995; Рейнгольд 2006], цифровой просьюмеризм, переход от потребления к производству политических смыслов [Soer 2014], мобилизация через сверстников, воспринимаемых в качестве экспертов [Kahne, Middaugh, Allen 2014], новаторство в использовании цифровых инструментов для достижения коммуникационных целей [Green, Brady 2013], геймификация политической коммуникации [Jenkins, Shresthova, Gamber-Thompson, Kligler-Vilenchik, Zimmerman 2016]. Цифровые медиа, превращаясь в электронную агору, способствуют распространению в молодежной среде политических практик, основанных на

равноправных, интерактивных, гетерархических и независимых от политических элит и институтов связях.

Контент-анализ аккаунтов молодых людей в социальных сетях [Blinova, Gorbunova, Porozov, Obolenskaya 2019; Blinova, Gorbunova 2020] позволил сделать вывод о маргинальном характере их политического онлайн участия, что выражается не только во внеинституциональности, но и в подвижности границ нормального и аномативного, гибридности и трансграничности как проницаемости физического и цифрового пространств реализации политических практик, нелинейности и вирулентности, а также проблематичности прогнозирования возможных исходов. Отсутствие универсальной нормативной оценки маргинальных политических практик молодежи по шкале «девиация – аномия – норма» как на уровне общественного сознания, так и в экспертной среде и правовом поле ведут к дефициту стратегических подходов (в том числе, в государственном и муниципальном конфликт-менеджменте) к управлению маргинальными политическими практиками на основе трендвотчинга.

Вместе с тем в эпоху постнормальности и постмаргинальности, постполитики и постидеологии маргинальность как характеристика политического из *rare case* превращается в тренд, требующий концептуального осмысления.

В целом отечественные исследователи отвергают представления о маргинальном как онтологически вторичном и отрицают традиционные для дискурса маргинальности бинарные оппозиции «умеренность – крайность», «норма – отклонение», «свой – чужой», «большинство – меньшинство», «центр – периферия».

Так, С. П. Гурин рассматривает маргинальность как универсальное свойство человеческого бытия, указывая на ограниченность первоначального представления науки о маргинальном как о ненормальном и периферийном и подчеркивая децентрализованность, многомерность и нелинейность антропологического и социального пространств [Гурин 2000]. Ю. А. Разинов полагает, что в условиях постмаргинальности основания разли-

чения маргинального и магистрального размываются и утрачиваются, мир превращается в сеть с подвижными, пересекаемыми границами и нелокализуемым центром [Разинов 2020]. С. П. Баньковская в качестве важнейшего фактора появления маргинальных практик рассматривает движение как физических границ государств, так и невидимых границ сообществ [Баньковская 2012].

В свою очередь политическая маргинальность мыслится в рамках традиционного противопоставления системы, властного влияния и включенности в процесс принятия легальных политических решений, с одной стороны, и оппозиции, эксклюзии, с другой. Согласно определению А. М. Вафина, политическая маргинальность представляет собой переходное состояние внесистемных политических агентов [Вафин 2013]. Однако, при этом для отечественных исследований характерны дестигматизация политических маргиналов, сдвиг от нормативного подхода к описательному и ценностно-нейтральному [Вафин 2017].

Кроме того, можно говорить о тенденции разотождествления политического маргинального и девиантного, деструктивного. К примеру, Н. А. Гаршин включает в поле маргинальных политических идей не только ксенофобские и радикальные, но и ориентированные на конструктивный диалог, представляющие интересы отдельных социальных групп [Гаршин 2018].

Более того, политическая маргинальность перестает быть уделом меньшинства. К примеру, А. Л. Шпак и Е. В. Головацкий подчеркивают тотальность и универсализацию политической маргинальности [Шпак, Головацкий 2015]. Фрагментированные или сетевые формы организации общественной жизни, кризис идеологии, медиатизация и шоуизация политики, деформация и нивелирование границ публичного и приватного, реального и виртуального, популярного и элитарного делают политическую маргинальность нормой современного общества [Кукарников, Гаршин 2019].

Цифровые медиа чаще всего рассматриваются как пространство практикования политического маргинального. Специфику цифровых маргинальных или «буферных и миксовых» [Омельченко 2019] политических практик

исследователи видят в митинговой наглядности, зрелищности, перформативности и карнавализации, усилении элементов смеховой культуры, мифологической нарративности [Дзялошинский 2019; Омельченко 2019; «Политика постправды» и популизм 2018; Шомова 2012, Шомова 2019; Шпак 2015]. Политейнмент или сопряжение новостной повестки, политической рекламы, хайпа и развлечений, постироничность, размывание границ между серьезным и смешным при оценке политических событий и постправда как диффузия фактов, апелляции к эмоциям и личной вере, рационального и иррационального формируют целый пласт маргинальных политических практик в цифровом пространстве.

В целом на уровне научного дискурса фиксируется дрейф маргинального политического: от ненормального – к инверсии и диффузии границ нормативного и ненормативного, к маргинальности как новой норме; от дисфункционального – к функциональному; от временного, переходного состояния – к непрерывности маргинальности; от пограничного состояния, когда субъект, находящийся за пределами, движется к границе системного, немаргинального – к практикованию на границах, диверсификации репертуара маргинальных политических практик.

На основе анализа цифрового следа молодых людей можно выделить такие цифровые маргинальные практики, как электронные петиции; хэштеги; стикеры; мемы; троллинг и холивар; посты, репосты и стримы; фейк ньюз; флешмобы; цифровые митинги.

Данные политические практики могут быть разделены на два типа – в зависимости от инструментального вектора их реализации и целевой направленности: просоциальные и асоциальные. К просоциальным маргинальным политическим практикам, т.е. одобряемым обществом и не оказывающим негативного, разрушительного влияния на государственный строй и деструктивного влияния на личность относятся: практика участия в цифровых дистанционных митингах, например, Яндекс-митингах, практика участия в интернет-флешмобах в защиту, поддержку чего-либо или из-за протеста против чего-либо, практика использования стримов,

постов и репостов на новостных онлайн платформах и в социальных сетях об актуальных политических событиях, практика создания и подписания петиций на ресурсах Change.org, РОИ и др., практика использования хештегов для идентификации себя и своей политической позиции, практика использования стикеров в мессенджерах для выражения своей политической позиции. К асоциальным маргинальным политическим практикам могут быть отнесены: практика политического троллинга, кибербуллинга или холивара по отношению к какой-либо политической позиции или политическому оппоненту; создание и использование мемов на политические темы; практика намеренного распространения в цифровом пространстве дезинформации о политических явлениях, событиях и лидерах.

В рамках выполнения научного проекта № 20-011-31736, поддержанного РФФИ (руководитель Блинова О. А.), в декабре 2020 года нами был проведен опрос российской молодежи (18–30 лет, $N=420$) из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, а также городов Свердловской, Челябинской, Омской, Иркутской и др. областей, Пермского и Краснодарского Края, Республики Крым, направленный на выявление общей политической активности молодежи, степени одобрения, опыта применения и ценностного основания выбора тех или иных маргинальных политических практик.

Результаты опроса в целом отражают тренд цифровизации политики, когда улицы, площа-

ди и скверы уступают место цифровому пространству реализации молодежью маргинальных политических практик. Так интернет рассматривается респондентами как пространство наиболее активного проявления молодежью своей политической и общественной активности (более 93 %).

Более 45 % респондентов одобряют активную гражданскую позицию и выражение своего политического мнения, пусть и посредством маргинальных способов, другими людьми в Интернет-пространстве, рассматривая его как цифровую агору.

Вместе с тем более 57 % молодежи не участвовали и не планируют участвовать в будущем в уличных акциях протеста, демонстрируя таким образом неготовность выйти из цифровой агоры на ее физический аналог.

Результаты опроса позволили нам обнаружить следующие противоречия.

Во-первых, это противоречие между оценкой респондентами степени политической активности молодежи и самооценкой объема собственного политического участия. С одной стороны, молодежь определяет собственную возрастную группу как активно выражающую свою политическую позицию (более 60 % опрошенных).

С другой стороны, в тоже время в среднем более 70 % опрошенных не относят себя к группе политически активных.

Во-вторых, противоречие обнаружено в отношении использования цифровых политических практик. В среднем около 60 % респон-

Рисунок 1 – Где молодёжь, по вашему мнению, наиболее активно проявляет свою политическую и общественную позицию?

Figure 1 – Where do young people, in your opinion, most actively manifest their political and social position?

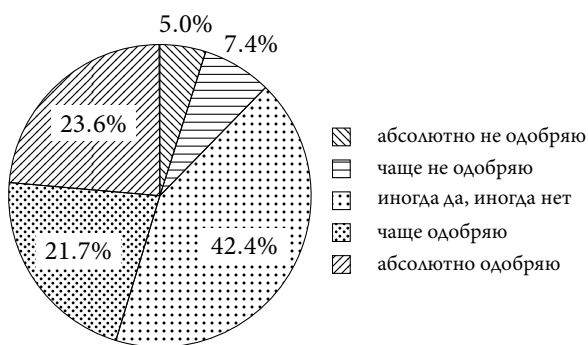

Рисунок 2 – Одобряете ли вы активное выражение своей политической позиции в интернете другими?

Figure 2 – Do you approve of other people actively expressing their political position on the Internet?

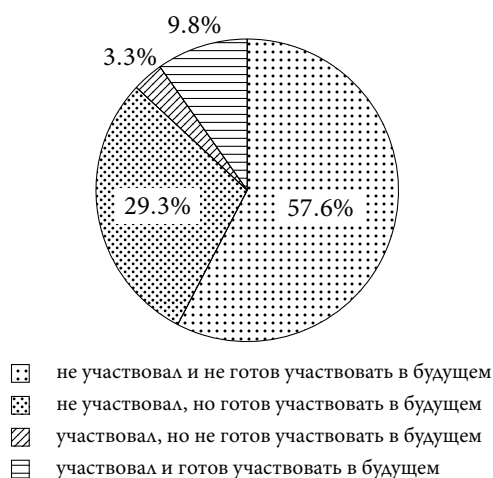

Рисунок 3 – Участвовали ли вы в каких-либо уличных акциях протеста и готовы ли вы принимать в них участие в будущем?

Figure 3 – Have you participated in any street protests and are you ready to take part in them in the future?

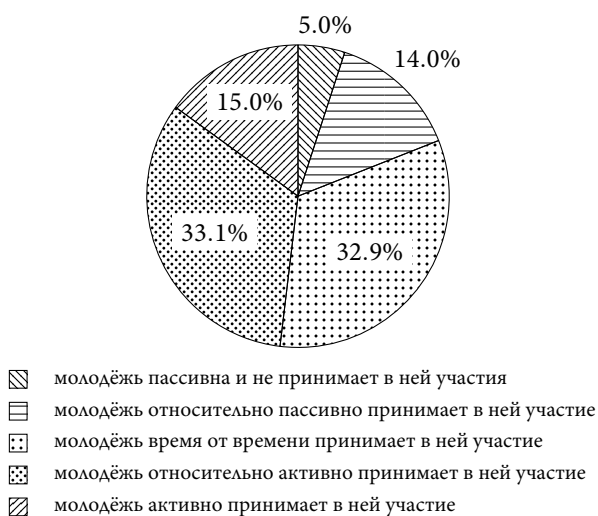

Рисунок 4 – Как вы оцениваете участие молодёжи в политической жизни современной России?

Figure 4 – How do you assess the participation of young people in the political life of modern Russia?

Денотов положительно относятся к использованию большинства указанных практик (исключение – фейк ньюз и холивар) другими пользователями, но при этом более 70 % опрошенных не используют ни одну из этих практик, то есть словесное одобрение цифровых политических практик не подкрепляется реальной активностью.

Вместе с тем из предложенных вариантов наиболее выбираемая активность связана с созданием и подписанием петиций на интернет-ресурсах: девушки и юноши не только позитивно относятся к подобной форме выражения политических взглядов, но и склонны использовать ее в своем поведении. Одобрение у молодёжи получили такие практики как: ведение стримов, написание постов и осуществление репостов, освещающих актуальные политические события, а также использование хештегов для идентификации себя и своей политической позиции. В собственный поведенческий репертуар респонденты включают создание и/или использование мемов на политические темы и использование стикеров в мессенджерах для выражения личной позиции. Однако менее представлена практика дезинформации как в оценке отношения к ней, так и в контексте ее выбора в качестве модели собственного политического поведения. При разделении всех практик на просоциальные и асоциальные с точки зрения их инструментальной составляющей необходимо заметить, что последние меньше всего поддерживаются молодежью за исключением практики политических мемов. Несмотря на механизм обезличивания, лежащий в основе создания мемов, подобная форма выражения собственных политических взглядов получила распространение именно в молодежной среде, поскольку она ультрасовременна, провокационна по своей сути и демонстрируется в формате юмористического образа массовой культуры.

На наш взгляд, выведенные противоречия, пассивность и фактическая эксклюзия молодежи при словесном одобрении и потенциальной готовности реализации цифровых политических практик обусловлены политическим неравенством в аспекте влияния на принятие управленческих решений, а также карательным характером правового регулирова-

ния протестной он-лайн и оф-лайн активности. Негативное маркирование политической маргинальности молодежи со стороны власти, отсутствие нормативного и экспертного единства в оценке угроз и рисков реализации молодежью маргинальных политических практик актуализирует проблему регулирования молодежного он-лайн участия. Защита, охранение границ является одним из ведущих способов взаимодействия с маргинальным [Разинов 2020]. Это утверждение справедливо и для сферы политической коммуникации. Социальный консерватизм, сведение управления маргинальными политическими практиками к обеспечению безопасности и демаргинализации, разворот человеческого развития от вектора к свободе на вектор к безопасности с соответствующей динамикой нормотворчества, доминирование ценности безопасности над ценностями самостоятельности, риска и новизны³ и запрос на стабильность⁴ являются существенным препятствием конструктивного разрешения вертикальных политических конфликтов и выстраивания политического диалога.

При этом в политически активной молодежной среде формируется запрос на преодоление ограничений свободы выражения собственной политической позиции и политического участия. Согласно данным проведен-

ного нами опроса, универсальными ценностными основаниями политической активности являются свобода и независимость, справедливость и равные возможности.

Протестный потенциал молодежной среды актуализирует проблему прогнозирования возможных исходов реализации молодежью маргинальных политических практик, в том числе – цифровых.

Для современной молодежи характерно, что ее социально-политическая активность зарождается в цифровом пространстве, а практически реализуется в ходе ее участия в реальных событиях. Основная цель социально-политического участия молодежи – отстаивание своей гражданской позиции, что в результате отсутствия четкой институализации и понимания субъектом границ правового регулирования зачастую принимает социально небезопасные формы, реализуемые маргинальными способами.

Также серьезную проблему для общества представляет калькированный перенос молодежью своей социально-политической активности из пространства социальных сетей в пространство реального социума и наоборот. Последствия такого переноса крайне сложно прогнозировать, а, значит, профилактировать и предотвращать.

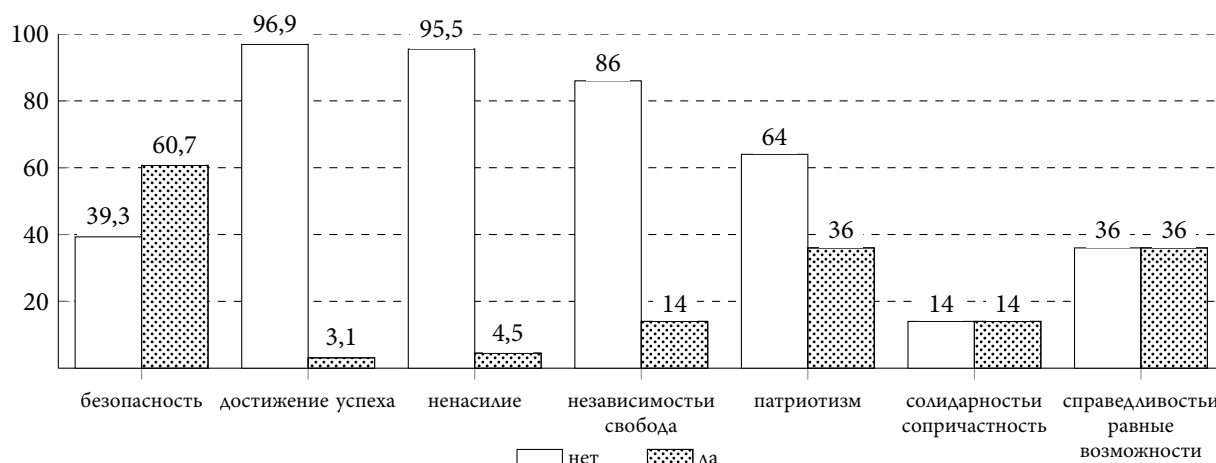

Рисунок 5 – Какими ценностями, по вашему мнению, руководствуется политически активная молодёжь при выражении своей общественной позиции?

Figure 5 – What values, in your opinion, are politically active youth guided by when expressing their public position?

³European Social Survey (ESS). URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 25.02.2021)

⁴Безопасность для россиян означает спокойствие // РОМИР. URL: <https://romir.ru/studies/bezopasnost-dlya-rossiyan-oznachaet-sпокойstvie> (дата обращения: 25.02.2021)

Несмотря на огромное количество времени, уделяемого молодежью развлекательному контенту в Сети, в цифровом пространстве происходит формирование и трансформация гражданской субъектности молодых людей: повышение уровня гражданской активности и формирование патриотических настроений, низовой инициативы (в том числе на уровне локального патриотизма), изменение системы морально-нравственных ценностей, принятие ответственности за происходящее в городе, регионе, стране. Однако на сегодняшний день на концептуальном уровне не определены стратегии поведения субъектов социально-политического взаимодействия, факторы влияющие на выбор стратегий, а также не выработаны сценарии, прогнозные модели ожидаемых результатов использования молодежью маргинальных политических практик. В силу этого, власть не имеет возможности подобрать эффективные механизмы взаимодействия с социально-политически активной молодежью, что приводит к реализации сценария «проиграл-проиграл».

Поскольку сфера политического по своей природе конфликтогенна, то для решения проблемы прогнозирования результатов политической активности молодежи посредством реализации маргинальных политических практик мы использовали теорию игр. Теорию игр можно рассматривать как теорию рационального поведения людей с несовпадающими интересами [Салин, Юрга 2012]. Игра в данном случае и является формой конфликта, в котором участвуют две и более стороны, ведущие борьбу за реализацию своих интересов. Конфликт как игра характеризуется антитетичностью, напряженностью, неопределенностью исхода и наличием приза, выигрыша. В такой игре целью каждой из сторон является поиск такой стратегии поведения, которая, в зависимости от поведения других участников, приведет либо к выигрышу, либо к проигрышу. Задача, стоящая перед участниками игры – выбрать наилучшую (-шие) стратегию (-и) с учетом представлений о других участниках, их ресурсах и ожидаемых от них поступков. Игроки нацелены достигнуть максимальной полезности с учетом сложившейся ситуации.

Алгоритм применения теории игр заключается в следующем:

Формулировка решаемой проблемы т.е. выявление противоречия между текущим положением дел и ожиданиями или прогнозами. Проблема нашего исследования – возможно ли построение модели сценариев коммуникации молодежи и государства и выявление наилучшей стратегии?

Построение неформализованной модели, т.е. упрощенное описание модели естественным языком. Для нашего исследования, это описание стратегий проявления политической активности молодежи и оценка этого поведения со стороны государства;

Построение формализованной модели, т.е. перевод ситуации с естественного на математический язык;

Дедуктивный вывод, т.е. формулировка частного умозаключения, с необходимостью следующего из начальных истинных посылок.

При математической формализации конфликта игра должна соответствовать определенной системе условий, описывающей:

– возможные действия каждого из игроков, т.е. стратегии поведения;

– объем информации, которым владеет или может получить каждая сторона о действиях оппонента;

– исходы игры в результате каждой совокупности ходов, совершенных игроками.

В теории игр выделяют следующие виды игр:

– игры с нулевой суммой, это ситуация конфликта, при которой сумма выигрыша одних игроков будет равна сумме проигрыша остальных;

– игры с ненулевой суммой, ситуация, при которой происходит координирование действий с партнером (противником) для того, чтобы иметь возможность влиять на принятие им решений;

– позиционные игры, характеризующиеся наличием заданной последовательности принятия игроками решения.

Общей целью игры является выработка рекомендаций для приемлемого поведения игроков в конфликте и выявление для каждого оптимальной стратегии [Салимов, Юрга, 2012]. Под оптимальной стратегией следует

понимать стратегию, которая при многократном повторении гарантирует игроку максимальный выигрыш или проигрыш – т.н. принцип *minmax* (минимакса).

Поскольку ситуация, в которой мы планируем применить теорию игр характеризуется неопределенностью, когда государство в силу отсутствия полной информации о возможных вариантах поведения молодежи не может принять единое верное решение, то теория игр может применяться для построения прогнозов дальнейшего развития событий.

На основе анализа результатов проведенного опроса нами были выделены четыре основные коммуникативные стратегии молодежи в цифровом пространстве, сумма которых равна 1, $\sum_{j=1}^n = 1$.

Позитивно-активистская стратегия («одобряю и использую») или партисипативная стратегия, стратегия активного влияния молодежи на сферу политического посредством поддержки и реализации цифровых практик маргинального характера. Данной стратегии придерживаются 14 % респондентов, таким образом, ее коэффициент составил 0,14.

Эти данные в целом отражают тенденцию по формированию новой культуры участия, когда медиа, сеть становятся тем пространством, где молодежь исследует собственные возможности и апробирует альтернативные традиционным политические практики [Jenkins, Shresthova, Gamber-Thompson, Kligler-Vilenchik, Zimmerman 2016].

Рисунок 6 – Стратегии политического участия молодежи в цифровом пространстве

Figure 6 – Strategies for the political participation of youth in the digital space

Стратегия активного избегания («не одобряю и не использую»), возможно, связанная с предпочтением традиционных (не виртуальных) практик политического участия, таких как выборы, членство в партийной или общественной организации, уличные акции и т.д. Кроме этого, избегание молодежью использования маргинальных политических практик может быть связано с репрессивным характером законодательного регулирования политической активности как в сети, так и в реальном пространстве. Данную стратегию разделяют 38 % опрошенных, а ее коэффициент составил 0,38.

Данные стратегии являются адекватными, когерентными – они характеризуются согласованностью оценки маргинальных политических практики и самого практикования.

Пассивная, но потенциально активистская стратегия («одобряю, но не использую»), стратегия уклонения при сохранении возможного резервного влияния молодежи на сферу политического. Данной стратегии придерживается большинство опрошенных – 48 %, а ее коэффициент равен 0,48.

С одной стороны, стратегия скрытого (латентного) влияния трансформируется в активное вовлечение в условиях социальной напряженности, поляризации общества, отсутствия базового консенсуса, что может стать источником нестабильности политической системы. «Если политическая жизнь становится напряженной и остается таковой из-за нерешенности какого-то находящегося в центре внимания вопроса, несоответствие между позициями и поведением начинает терять устойчивость. Но любое относительно длительное разрушение этого несоответствия с высокой долей вероятности влечет за собой неблагоприятные последствия», – отмечают Г. Алмонд и С. Верба [Алмонд 1992]. С другой стороны, возможна трансформация данной стратегии в конформистскую, связанную с утратой молодежью ощущения собственной влиятельности, а также усилением патерналистских ориентаций, характерных для российской политической культуры.

Негативно-активистская стратегия («не одобряю, но использую»), также является партисипативной стратегией. Предположитель-

Таблица 1 – Основные характеристики стратегий политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве

Table 1 – The main characteristics of the strategies of political communication of youth in the digital space

Стратегия	Актив-ность	Пассив-ность	Баланс оценки и практико-вания	Дисбаланс оценки и практико-вания	Одобряется государством, законно	Не одобряется государством, не законно
1. Позитивно-активистская стратегия	+		+		Конвенциональное участие, санкционированные, нормальные стратегии экстраординарные стратегии	Неконвенциональное (протестное) участие, несанкционированные,
2. Стратегия активного избегания		+	+			
3. Пассивная, но потенциально активистская стратегия		+		+		
4. Негативно-активистская стратегия	+			+		

но отражает не только конформизм молодежи (как согласие с политически активными маргинальными лидерами молодежной среды), но и протестный, демонстративный негативизм; может быть вынужденной стратегией в условиях, когда молодежи недоступны другие варианты политического влияния. Доля респондентов, реализующих подобную стратегию, ничтожно мала и составляет 0,2 %, а коэффициент данной стратегии равен 0,002.

Данные стратегии являются неадекватными, некогерентными – они характеризуются дисбалансом оценки маргинальных политических практик и самого практикования.

Каждая из выявленных стратегий может как санкционироваться, так и не санкционироваться государством. В цифровом пространстве реализуются как легитимные, конвенциональные (соответствующие норме), так и нелегитимные, неконвенциональные (экстраординарные) политические стратегии молодежи. Стратегии первого типа носят неконфликтный характер, направлены на поддержание устойчивого состояния политической системы. Стратегии второго типа обладают протестным потенциалом, выражают запрос молодежи на изменения (в том числе, радикальные) политической системы, в силу чего политический конфликт выступает одним из возможных исходов коммуникации власти и молодежи.

Для расчёта наиболее благоприятного исхода политической активности молодёжи в цифровом пространстве мы опирались на теорию матричных бескоалиционных игр. Бес-

коалиционная игра представляет собой способ моделирования и анализа ситуаций, в которых рациональные решения каждого игрока зависят от его представлений об игре оппонентов. Отличительной особенностью бескоалиционных игр является то, что каждый игрок пытается предсказать игру своих оппонентов, опираясь на общие правила игры [Григорьева 2007 : 5]. Бескоалиционные игры оптимальны для построения краткосрочных прогнозов, благодаря чему возможно оперативное разрешение текущих конфликтов. Это связано с тем, что рассматриваемые с помощью бескоалиционных игр ситуации допускают иррациональное поведение участников, которое не подлежит долгосрочному прогнозированию. Задача каждого игрока – максимизировать свой выигрыш, а цель игры – определение такой ситуации, которая удовлетворяет всех игроков, то есть поиск равновесной ситуации или равновесия по Нэшу.

Цель и суть рассматриваемой нами игры – установление конструктивной, партнерской, взаимовыгодной коммуникации между политически активной молодежью России и государством в целом. Таким образом, в нашей игре присутствует два игрока – молодежь и государство. У каждого игрока есть свой набор коммуникативных стратегий. Взаимодействие игроков, реализующих многообразные коммуникативные стратегии, определяет стратегическую культуру российского общества, то есть – предпочтительный метод преодоления коммуникативных вызовов, решения жизненно важных для страны проблем и достижения общественного согласия [Семичева 2015 : 5].

Зная коэффициент значения отдельной стратегии каждого игрока, мы можем выявить всевозможные варианты взаимодействия игроков, рассчитать вес исхода при реализации любого сочетания стратегий, а также найти равновесный вариант взаимодействия.

На основе анализа законодательства (№ 67-ФЗ от 12.06.2002, № 149-ФЗ от 27.07.2006, № 97-ФЗ от 05.05.2014, № 37-ФЗ и № 43-ФЗ от 09.03.2021, ч. 1 и 2 ст. 15 КоАП РФ и др.) мы выделили две коммуникативные стратегии государства, складывающиеся из правовой оценки политической активности молодёжи как легитимной и законной (одобряемой) или нелегитимной и незаконной (неодобряемой и наказуемой).

Сумму стратегий поведения государства мы приняли за единицу, $\sum_{j=1}^m = 1$, исходя из чего определили вес каждой стратегии. Коэффициент стратегии, оценивающей поведение молодёжи как законное, мы определили равным 0,7, а стратегии, оценивающей поведение молодёжи как незаконное, - равное 0,3. Вес стратегии, оценивающей поведение молодёжи как незаконное, имеет коэффициент не равный нулю, поскольку Российская Федерация – правовое демократическое государство, признающее право граждан на нарушение закона. Наличие права на нарушение закона не говорит о значимости для государства мнения каждого гражданина и признании за ним свободы выбора и действий. «Общество, претендующее на признание прав, должно отказаться от идеи общего долга соблюдения законно-

сти в любой ситуации» [Дворкин 2004 : 268]. Правовое государство устроено сложнее, чем требование неукоснительного соблюдения законов и применение карательных санкций ко всем, кто иначе понимает закон, считает его неправовым, либо не желает его соблюдать.

Не имея возможности «опросить» государство, мы рассматриваем его как величину равную const, а при определении коэффициента его коммуникативных стратегий опираемся на результаты социологических исследований протестной активности россиян. По данным социологических исследований ВЦИОМ и Левада-центра, к концу 2019 года количество россиян, готовых принять участие в протестных акциях, составило около 30 %: 24 % – согласно данным ВЦИОМ⁵ и 37 % - согласно данным Левада-центра⁶. Также социологи констатируют омоложение граждан, реализующих маргинальные политические практики. Так, согласно данным опроса на протестной акции 23 января 2021 г. в Москве, возраст 62 % участников составил от 18 до 35 лет⁷. Исходя из этих данных, мы определили коэффициенты коммуникативных стратегий государства как 0,3 и 0,7.

Теорема матричных игр [Кремлев 2016 : 50] гласит, что для определения равновесной (седловой) точки необходимо соблюдение следующего равенства: $\max_i \min_j h_{ij} = \min_j \max_i h_{ij}$.

Матрица расчета равновесного исхода коммуникации государства и молодежи в сфере политического выглядит следующим образом:

$$H = \begin{bmatrix} i/j & j_1 & j_2 & j_3 & j_4 \\ i_1 & h_{11} & h_{12} & h_{13} & h_{14} \\ 0,7 & 0,098 & 0,266 & 0,336 & 0,0014 \\ i_2 & h_{21} & h_{22} & h_{23} & h_{24} \\ 0,3 & 0,042 & 0,114 & 0,144 & 0,0006 \end{bmatrix} \rightarrow \left. \begin{matrix} \frac{\min h_{14}}{j} \\ \frac{\min h_{24}}{j} \end{matrix} \right\} \frac{\max \min h_{14}}{i \quad j}$$

$$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \frac{\max h_{11}}{i} & \frac{\max h_{12}}{i} & \frac{\max h_{13}}{i} & \frac{\max h_{14}}{i} \\ \underbrace{\hspace{10em}} & & & \\ \frac{\min \max h_{14}}{j \quad j} \end{matrix}$$

⁵Протестные настроения россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/protestnye-nastroeniya-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 28.02.2021).

⁶Волков Д. Протестная активность // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5> (дата обращения: 28.02.2021).

⁷Далеко не школото. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 20.02.2021).

где i_m и j_n – коммуникативные стратегии государства и молодежи соответственно, а h – возможный вариант коммуникации игроков.

Мы видим, что и для обоих акторов взаимодействия приемлемым способом поведения является реализация совокупности стратегии 1 государства (оценка поведения молодежи как законного) и стратегии 4 молодежи (негативно-активистская), поскольку выполняется необходимое равенство минимакса.

Следовательно, седловой точкой или точкой равновесия в данной игре является стратегия h_{14} , предполагающая использование молодежью маргинальных политических практик только с административного одобрения и с соблюдением законодательства. Данный результат говорит о том, что и для государства, и для молодежи наиболее приемлемой является ситуация конформного поведения послед-

ней. Выигрышной для обеих сторон является ситуация, когда молодежь, не разделяя репертуар практик маргинальной политической активности, реализует только те, которые не нарушают закон.

Таким образом, опираясь на теорию игр, представляя конфликтное взаимодействие молодых людей и государства в качестве бескоалиционной игры, мы можем выйти на решение проблемы непрогнозируемости поведения политически активной молодежи. В целом определение равновесного исхода реализации стратегий политической коммуникации может стать основой для определения точек бифуркации, своевременной оценки динамики отношений молодежи и власти и определения вероятностных исходов вертикальных политических конфликтов в современном российском обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд Г., Верба С. (1992). Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. № 4. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 25.02.2021).
2. Баньковская С. (2012). FAQ: Социология маргинальности // Постнаука. 11.09.2012. URL: <https://postnauka.ru/faq/4124> (дата обращения: 25.02.2021).
3. Вафин А.М. (2017). Политическая маргинальность: психология и идеология // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 6. № 4 (21). С. 307–310.
4. Вафин А.М. (2013). Феномен политической маргинальности: теоретический и эмпирический аспекты : диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Москва. 131 с.
5. Гаршин Н.А. (2018). Проблема политической маргинальности в контексте деформации толерантности // Философская мысль. № 11. С. 78–83. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.27014.
6. Григорьева К.В. (2007). Бескоалиционные игры в нормальной форме : Учебное пособие. СПб : Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. 78 с.
7. Гурин С.П. (2004). Маргинальная антропология // Anthropology.ru. 04.06.2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Дворкин Р. (2004). О правах всерьез // Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : РОС-СПЭН. 392 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/ehatika_i_ehstetika/dvorkin_r_o_pra_vakh_vserez_2004/36-1-0-2230 (дата обращения: 24.02.2021).
9. Дзялошинский И.М. (2019). Медиакарнавал в эпоху глобализации // МедиаАльманах. № 3 (92). С. 18–28. DOI: 10.30547/medialmanah.3.2019.1828.
10. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ). URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 14.03.2021).
11. Кремлев А.Г. (2016). Основные понятия теории игр : учебное пособие / А. Г. Кремлев. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 144 с.
12. Кукарников Д.Г., Гаршин Н.А. (2019). Постидеология и общество риска: системный анализ концептов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. № 2 (32). С. 24–32.
13. Омельченко Е.Л. (2019). Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 3–27. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01.
14. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб. : Скифия-принт, 2018. 216 с.

15. Разинов Ю.А. (2020). Состояние постмаргинальности // *Международный журнал исследований культуры*. № 1. С. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001.
16. Рейнгольд Г. (2006). *Умная толпа: Новая социальная революция*. М.: ФАИРПРЕСС. 416 с.
17. Семичева А.С. (2015). Становление и сущность общей теории национальной безопасности Российской Федерации // *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. № 1 (6). С. 3–7.
18. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/70648932/> (дата обращения: 14.03.2021).
19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449687/#ixzz6qQ2hMNa4> (дата обращения: 14.03.2021).
20. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 37-ФЗ // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449688/#ixzz6qQ3AFRFw> (дата обращения: 14.03.2021).
21. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/184566/#ixzz6qQ3fqNRK> (дата обращения: 14.03.2021).
22. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12148555/#ixzz6qQ47hpuQ> (дата обращения: 14.03.2021).
23. Шомова С.А. (2012). Карнавальные корни митинга: генезис и современные проявления // *Государственная служба*. № 4 (78). С. 64–68.
24. Шомова С.А. (2019). Выборы президента РФ–2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 157–173. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.10.
25. Шпак Л.А., Головацкий Е.В. (2015). Маргинальное политическое сознание и поведение проблема социологического анализа // *Вестник Кемеровского государственного университета*. № 2 (62). Т. 2. С. 105–110.
26. Blinova O., Gorbunova Yu., Porozov R., Obolenskaya A. (2019). Digital political practices of Russian youth: YouTube top bloggers. In: *Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE–2019)*. Vol. 331. URL: <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.19> (accessed 20.02.2021).
27. Blinova O., Gorbunova Yu., Value foundations of marginal political practices of youth // *SHS Web of Conf. Vol. 94. 2021. Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society»*. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219403017> (accessed 20.02.2021).
28. Green L., Brady D. Young people online. In *Hartley, Burgess, and Bruns, eds. A Companion to New Media Dynamics*. Chichester, England: Wiley-Blackwell. 2013. pp. 461-471. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118321607.ch33> (accessed 20.02.2021).
29. Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. (2016). *By Any Media Necessary: The New Youth Activism*. New York: New York University Press. 352 p.
30. Kahne J., Middaugh E., Allen D. Youth. (2014). *New Media, and the Rise of Participatory Politics, YPP Research Network Working Paper, no. 1, March 2014*. URL: http://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/YPP_WorkinPapers_Paper01.p (accessed 21.02.2021).
31. Mitchell J. (1995). *City of bits space, place, and the infobahn*. 232 p.
32. Soep E. (2014). Participatory politics: Next-generation tactics to remake public spheres. URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/Participatory_Politics_Next_Generation.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Блинова Олеся Александровна – Уральский государственный педагогический университет (620091, Россия, Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26); olesyablinova79@yandex.ru.

Горбунова Юлия Александровна – Московский университет им. С. Ю. Витте (115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1); gorbunovaua2008@yandex.ru.

POLITICAL COMMUNICATION STRATEGIES OF YOUNG PEOPLE IN THE DIGITAL SPACE: POSSIBLE OUTCOMES

O.A. Blinova^{8a}, Yu.A. Gorbunova^{9b}

^aUral State Pedagogical University

^bMoscow Witte University

ABSTRACT:

The article defines the main strategies of political communication of Russian youth and their possible outcomes in the context of digitalization of politics.

The digital space is considered by the authors as a space for young people to implement marginal (“hybrid”, virulent, nonlinear) political practices such as “black swan” (N. Taleb). The marginal political practices of young people are studied from the standpoint of anti-reductionism and anti-binarism, which makes it possible to overcome the attribution of the marginal to the abnormal, dysfunctional and peripheral. The article substantiates the idea of marginal political practices being normal, constant and trendy in the youth environment. The study has multi-methodological character, the main methods include content analysis of social media accounts, game theory and a survey of youth (18–30 years, $N = 420$) in various regions of the Russian Federation, including Moscow and the Moscow region, St. Petersburg, Sverdlovsk oblast, Chelyabinsk oblast, Sevastopol and Republic of Crimea, Perm Krai, Krasnoyarsk Krai, Irkutsk oblast, Omsk oblast, etc.

The empirically discovered variability in the coordination between the assessment of marginal political practices (approval / censure) and the use of practices (use / refusal to use) is the basis for the author’s classification of the strategies of political communication of young people in the digital space. The implementation of these strategies may or may not be approved by the State, which may result in a political conflict.

To find a balance in political communication between the state and the youth, the authors used the methods of game theory, namely, the search for balance in matrix non-coalition games. The authors proceeded from the fact that the communicants are not antagonists, i.e. they do not seek to “liquidate” each other, but, on the contrary, are aimed at obtaining a “win-win” outcome, which determined the choice of the matrix theory of non-coalition games.

The results fill the gap in the knowledge about marginal political practices of young people such as Digital Natives and help to gradually shift from description of practices to trend watching and foresight as the basis for managing political conflicts to minimize their destructive effects and maximize their constructive potential.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute (EISI), project № 20-011-31736.

KEYWORDS: youth, marginal political practices, digital space, political communication strategies.

FOR CITATION: Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. (2021). Political communication strategies of young people in the digital space: possible outcomes, *Management Issues*, no. 3, pp. 20–34.

REFERENCES

1. Almond G., Verba S. (1992). Civil Culture and Democracy Stability, *Polis. Political research*, no. 4. URL: http://www.civisbook.ru/files/file/1992-4-almond_verba.pdf (accessed 25.02.2021).

2. Bankovskaya S. (2012). FAQ: Sociology of marginalness, *Postnomuka*. 11.09.2012. URL: <https://postnauka.ru/faq/4124> (accessed 25.02.2021).

3. Vafin A.M. (2017). Political marginality: psy-

⁸ORCID: 0000-0002-3051-4251

⁹ORCID: 0000-0003-4333-1945

chology and ideology, *Azimut of scientific research: Economics and management*, vol. 6, no. 4 (21), pp. 307–310.

4. Vafin A.M. (2013). Phenomenon of political marginalness: theoretical and empirical aspects. Ph. D. thesis. Moscow. 131 p.

5. Garshin N.A. (2018). The problem of political marginalness in the context of the deformation of tolerance, *Philosophical thought*, no. 11, pp. 78–83. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.27014.

6. Grigoreva K.V. (2007). Interlessnual games in normal form. St. Petersburg, Petersburg State University of Architecture and Construction. 78 p.

7. Gurin S.P. (2004). Marginal anthropology, *Anthropology.ru*. 04.06.2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya> (accessed 01.03.2021).

8. Dvorkin R. (2004). On the rights seriously. Moscow, ROSSPEN. 392 p. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehatika_i_ehstetika/dvorkin_r_o_pravakh_vserez_2004/36-1-0-2230 (accessed 02.24.2021).

9. Dzyaloshinsky I.M. (2019). Media carnival in the era of globalization, *Mediaalman*, no. 3 (92), pp. 18–28. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.1828.

10. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Administrative Code of the Russian Federation). URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (accessed 14.03.2021).

11. Kremlev A.G. (2016). The main concepts of the theory of games. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University. 144 p.

12. Kukarnikov D.G., Garshin N.A. (2019). Postideology and risk society: system analysis of concepts, *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy*, no. 2 (32), pp. 24–32.

13. Omelchenko E.L. (2019). Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring public opinion: Economic and social changes*, no. 1, pp. 3–27. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01.

14. “Policy Delivery” and populism. Skiffia Print, 2018. 216 p.

15. Razinov Yu.A. (2020). State of postmarginality, *International Cultural Research Journal*, no. 1, pp. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001.

16. Reingold G. (2006). Smart crowd: a new social revolution. Moscow, Fairpress. 416 p.

17. Semicheva A.S. (2015). The formation and essence of the general theory of national security of the Russian Federation, *Bulletin of Witte Moscow University. Series 2: Law sciences*, no. 1 (6), pp. 3–7.

18. On amendments to the Federal Law “On information, information technology and on protection of information” and individual legislative acts of the Russian Federation on the streamlining of information exchange using information and telecommunication networks. Federal Law no. 97-FZ dated May 5, 2014. URL: <http://base.garant.ru/70648932/> (accessed 14.03.2021).

19. On amendments to selected legislative acts of the Russian Federation. Federal Law no. 43-FZ dated March 9, 2021. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449687/#ixzz6qq2hmna4> (accessed 14.03.2021).

20. On amendments to the Administrative Code of the Russian Federation. Federal Law no. 37-FZ dated March 29, 2021. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449688/#ixzz6qQ3AFRFw> (accessed 14.03.2021).

21. On the main guarantees of electoral rights and the rights to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation. Federal Law no. 67-FZ dated June 12, 2002 (with changes and additions). URL: <http://base.garant.ru/184566/#ixzz6qQ3fqN RK> (accessed 14.03.2021).

22. On information, information technologies and information protection. Federal Law no. 149-FZ dated July 27, 2006 (with changes and additions). URL: <http://base.garant.ru/12148555/#ixzz6qQ47hpuQ> (accessed 14.03.2021).

23. Shomova S.A. (2012). Carnival roots of the meeting: genesis and modern manifestations, *Public service*, no. 4 (78), pp. 64–68.

24. Shomova S.A. (2019). Election of the President of the Russian Federation–2018 in the mirror of memes: new realities of political communicate, *Polis. Political research*, no. 3, pp. 157–173. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.10.

25. Shpak L.L., Golovatsky E.V. (2015). Marginal political consciousness and behavior: The problem of sociological analysis, *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 2 (62), vol. 2, pp. 105–110.

26. Blinova O., Gorbunova Yu., Porozov R., Obolenskaya A. (2019). Digital political practices of Russian youth: YouTube top bloggers. In: Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE–2019). Vol. 331. URL: <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.19> (accessed 20.02.2021).

27. Blinova O., Gorbunova Yu., Value foundations of marginal political practices of youth // SHS Web of Conf. Vol. 94. 2021. Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and

Practical Conference «State. Politics. Society». URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219403017> (accessed 20.02.2021).

28. Green L., Brady D. Young people online. In Hartley, Burgess, and Bruns, eds. *A Companion to New Media Dynamics*. Chichester, England: Wiley-Blackwell. 2013. pp. 461-471. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118321607.ch33> (accessed 20.02.2021).

29. Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. (2016). *By Any Media Necessary: The New Youth Activism*. New York: New York University Press. 352 p.

30. Kahne J., Middaugh E., Allen D. Youth. (2014). *New Media, and the Rise of Participatory Politics*, *YPP Research Network Working Paper*, no. 1, March 2014. URL: http://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/YPP_WorkinPapers_Paper01.p (accessed 21.02.2021).

31. Mitchell J. (1995). *City of bits space, place, and the infobahn*. 232 p.

32. Soep E. (2014). *Participatory politics: Next-generation tactics to remake public spheres*. URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/Participatory_Politics_Next_Generation.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

AUTHORS' INFORMATION:

Olesya A. Blinova – Ural State Pedagogical University (26, Kosmonavtov Blvd, Ekaterinburg, 620091, Russia); olesyablinova79@yandex.ru.

Yuliya A. Gorbunova – Moscow Witte University (12 (1), 2nd Kozhukhovskiy proezd, Moscow, 115432, Russia); gorbunovaua2008@yandex.ru.